DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-228-243
УДК. 821.161.1

Л.П. Семенов

I. Стихотворения 1912–1919 гг. II. Стихотворения и юмореска из семейного альманаха «Маяк» 1947–1948 гг.

Подготовка текста и примечания Е.А. Тахо-Годи

Аннотация: В первой части публикации представлена выборка из лирических стихотворений известного лермонтоведа и кавказоведа Л.П. Семенова (1886–1959), создававшихся в начале XX столетия, на излете Серебряного века, в 1912–1919 гг. и хранящихся в личном архивном собрании Семеновых-Тахо-Годи. Во второй части публикации воспроизводится юмореска из семейного альманаха «Маяк», а также два стихотворения 1947–1948 гг., связанных с историей возникновения этого домашнего издания. Все тексты 1947–1948 гг. написаны Л.П. Семеновым под псевдонимом Л. Глыбов.

Ключевые слова: Л.П. Семенов, архивное собрание, стихотворения, семейный альманах.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи, д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН им. А.М. Горького; заведующая научным отделом, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Москва, Россия.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Цитирование: *Семенов Л.П.* I. Стихотворения 1912–1919 гг. II. Стихотворения и юмореска из семейного альманаха «Маяк» 1947–1948 гг. Подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи // Литературный факт. 2018. № 9. С. 228–243.

I

Стихотворения 1912–1919 годов

Монета

Смотря на медную монету,
Я думаю порой:
— «Истерта человеческой рукой,
Блуждала ты по белу свету.
Ты жалкий грош; но через ряд веков
В музее ляжешь ты под крышкою стеклянной,
Свидетель старины туманной,
И привлечешь вниманье знатоков…
А я, со всею жизнью сложной,
Запасом чувств и пламенных идей, —
Я пропаду в толпе людей
Песчинкою ничтожной!»

1912

***

В лес войди осеннею порою,
В ясный, теплый день;
Под листвой редеющей, сквозною
Сядь на мшистый пень.
Меж камней бежит ручей кристальный
И журчит в тиши;
Звон его — немолчный и хрустальный —
Сладок для души.
Брызги волн сверкают под лучами
Радужным огнем
И дрожат, подхвачены листами,
Белым серебром.
Тишина стоит кругом глухая.
Стар и величав,
Дремлет лес, шатром не колыхая,
Никнут стебли трав.
На кустах орешника, малины, —
И куда ни глянь, —
Видишь ты прозрачной паутины
Трепетную ткань.
Обвились вкруг прутьев ежевики, —
Как скелеты змей, —
Без цветов, без листьев — павилики

Сети из плетей.
Отцвела, завяла незабудка;
Пожелтел лопух…
Оглядись внимательно — и чутко
Напряги свой слух.
Слышишь ты чуть внятный, слабый шорох, —
Словно грустный вздох?
Там и сям — опавших листьев ворох
Кроет камни, мох.
Это грусть по улетевшим птицам,
По весенним дням;
Это грусть по грозам, по зарницам,
По былым мечтам.
Лист кружит, кружась между ветвями,
Вслед летит другой,
И они воздушными роями
Реют над землей…
До весны точить их будет тленье,
Утучняя прах.
Строг закон: и смерть, и возрожденье
Вечно на часах…
Так и мы исчезнем чередою,
Не закончив труд,
А вослед мятежною толпою
Внуки набегут.
Наши все исканья и мученья
Утучняют край,
И сберут другие поколенья
Пышный урожай.

23 сент<ября> 1912

Бальмонту

Твои стихи звончее водомета
И майских соловьев.
Твои стихи воздушнее полета
Курчавых облаков.
Их аромат нежнее аромата
Сладчайших, пряных роз.
Они пышной огнистого заката,
Прелестнее стрекоз.
Твои стихи грустней ветлы плакучей,
Причудливей волны.
Они быстрей луча звезды падучей,
Мечтательней луны.

Не умолкай! Пленяющее пенье
Твоих послушных струн
Нам говорит про счастье и мученье.
Чаруй сердца, колдун!

31 окт<ября> 1912 г.

***

Поет весна, цветет весна…
В избытке жизни молодой
Трава ползет — свежа, нежна —
Из-под каменьев мостовой.
Но камни давят, как тиски;
Неотразим удар копыт, —
И гибнут юные ростки…
А пир весны кругом кипит.
Так жизни тяжкая плита
Нависла глухо надо мной,
И гибнет за мечтой мечта,
Как зелень шумной мостовой.

1 янв<аря> 1913 г.
Владикавказ

Бальмонту

По морям и океанам, по дорогам бирюзовым
Ты блуждаешь одиноко, ты спешишь к пределам новым…
Ты в Австралию ушел
Из пустынного Египта[1].
Пред тобой вознесся ствол
Голубого эвкалипта.
Изгибаясь, черный лебедь странным, резким силуэтом
Проплывал перед безмолвным, зачарованным поэтом.
Ты искал других чудес
И стезей мятежно-пенной
Перенесся в Бенарес,
К берегам реки священной[2].
Дремлют лотосы над влагой… Красота и ликованье…
А в душе поэта нежной — затаенное страданье.
Верен грезам прежних дней,
Ты грустишь в стране далекой
По снегам родных полей,
По сирени звездоокой.

[1] В Египте К. Бальмонт побывал в 1909 г., а путешествие поэта в Австралию состоялось как раз в 1912 г.

[2] Город в Индии, место паломничества к реке Ганг. Бальмонт посетил Индию в 1912 г.

Ты слагаешь, умиленный, песни, полные печали…
О, когда бы вздох мой грустный до тебя стихи домчали!

27 января 1913 г.
Владикавказ.

***

Осыпана снегом, нежна и бела,
Змеистая ветка прекрасна была,
И я любовался из окон вчера
Лучистым сверканьем ее серебра.

Сегодня сурово дохнула зима,
И с ветки слетела, как пух, бахрома,
И ветка нагая, хрупка и грустна,
Колеблется тихо, обиды полна…

Я грёзы в душевных взрастил тайниках,
Но рок беспощадный развеял их в прах.
Глубокой тоскою душа стеснена
И тихо под бурей трепещет она.

9 февр<аля> 1913 г.
Владикавказ.

***

Умерла резвушка.
В детской полумгла.
Смятая подушка
Смотрит из угла.
Щечки восковые
Скрыты простыней.
Слышатся глухие
Стоны за стеной.
О тоске и горе
Все твердит кругом,
И надолго вскоре
Опустеет дом.
В детской ни единый
Не раздастся звук.
Полог паутинный
Будет ткать паук.
Выйдет мышь из норки,
Словно гном ночной;
Крошку хлебной корки
Подберет порой.

Позабытой кукле
Не вернуть затей.
Спутанные букли
Кто расчешет ей?
Кто споет над нею
Нежным голоском?
Кто обвяжет шею
Пестрым лоскутком?
Бедная игрушка!
Ты теперь одна…
Умерла резвушка.
В детской тишина.

23 мая 1913 г.

Возвращение с войны

Вернулся… Все тот же приветливый взгляд.
И голос певучий спокоен, как прежде.
По комнатам шпоры тихонько звенят.
Как раньше он строен в военной одежде.
Но стали немного седыми виски;
Но больше не слышишь ни смеха, ни гнева;
А вместо послушной и сильной руки
Рукав опустелый качается слева.

23 нояб<ря> 1915 г.
Владикавказ.

А.В. Соболевскому († 1914 г.)[3]

Лишь останусь один, лишь отхлынут далеко
Волны шумного дня, —
Ты встаешь перед взором духовного ока,
Ты живешь — для меня.
Смерть над нами бессильна… Всплывают виденья…
Мир воскреснул былой.
Плачет сердце в тоске, но не хочет забвенья.
Ты глядишь, как живой.
Я с отрадой ловлю отголоски глухие
Задушевных речей.
Так паломник, попавший в пустыни сухие,
Слышит в грезах ручей.
Мы на время расстались, не зная, что вскоре
Злой, загадочный рок

[3] Установить адресата стихотворения не удалось. Не исключено, судя по дате смерти, что речь идет о друге, погибшем в первый же год Первой мировой войны.

От надежной земли в необъятное море
Унесет твой челнок.
Кто смотрел в потухавшие очи с любовью,
Боль в груди затая?
Кто, рыдая, припал к твоем изголовью?
Где могила твоя?
В мире нет испытанья, сильнее разлуки:
Скорбь на каждом шагу.
Друг мой! Тщетно к тебе простираю я руки:
Ты — на том берегу.

14 февраля 1916 г.
Владикавказ.

***

Ребенку все в мире загадочно, ново;
Он жадно лепечет: «Зачем? Почему?»
С улыбкой привета на каждое слово
Отец или мать отвечает ему.

Проносятся годы… Исчерпаны силы.
Дорога идет в запредельную тьму.
-«Зачем?» говорит человек у могилы.
Напрасно: никто не ответит ему.

19 мая 1919 г.
Владикавказ

II
Стихотворения и юмореска из семейного альманаха «Маяк» 1947–1948 гг.

Нашему дому
(1896–1946)

Привет тебе, любимый дом!
Уже полвека миновало,
Как ты нам стал родным гнездом.
Таких друзей на свете мало.
Когда бывало тяжело,
Ты охранял нас от напасти;
Ты нам дарил свое тепло,
Смягчая горести и страсти.

Когда порою кто-нибудь
Блуждал, подобно Одиссею,
Лишь ты давал ему вздохнуть
Под ветхой кровлею своею.
Здесь жили и отец, и мать,
И кажется, что светлой тенью
Они вступают, чтоб послать
Привет иному поколенью.
Ты беден с виду, но для нас
Ты сберегал каким-то чудом
Неисчерпаемый запас
Богатств, накопленных под спудом.
Ты был прибежищем для всех
В дни испытаний и печали.
Здесь раздавался детский смех.
Здесь музы тайно обитали.
Когда бывал я одинок,
И труд казался тяжек, долог,
Поэты в мирный уголок
Привет бросали с книжных полок.
Прекрасный тополь у ворот
Стоял могучим, верным стражем.
Его срубили… В свой черед
О нем подробней мы расскажем.
А палисадник? Он милей
Роскошного, большого сада.
В нем нет простора, нет аллей,
Но нам чужих красот не надо.
Здесь каждый кустик нам знаком,
Здесь наше детство протекало…
Привет тебе, любимый дом!
Ты дал нам радостей немало.
Сирень поникшая… Жасмин…
Скамья под старою черешней…
Здесь я любил сидеть один,
Уйдя мечтою в мир нездешний,
Туда, где грозный океан
На скалы волны плещет яро;
Где гуща спутанных лиан
Таит берлогу ягуара;
Где ловкий скваттер на скаку
Стреляет в тучного бизона;
Где разметала по песку
Сухие степи Аризона;
Где притаились близ дубрав

Вигвамы племени гуронов;
Где кондор, падая стремглав,
Уносит дичь, земли не тронув…
Раскрыв пленительный роман,
Я предавался чтенью с жаром,
Блуждая в дебрях дальних стран
Вслед за Майн-Ридом и Эмаром.
Но я любил и шум забав.
Во мне кипела жизнь в избытке.
Глаза от книги оторвав,
Играли мы то в мяч, то в плитки.
Взбирались на высокий сук —
Подобие опасной реи.
По счастью, нам сходили с рук
Такие детские затеи.
А на крыльце по вечерам
Подолгу мы сидеть любили.
Отрадно слушать было нам
Воспоминания и были.
Сверкал, как жемчуг, млечный путь.
Дышало ароматом лето,
И тополь шелестел чуть-чуть,
И птицы щебетали где-то.
Вдали Столовая гора,
Как витязь, вечным сном объятый,
Виднелась; льдистая кора
Ее покрыла, будто латы.
И Терек в тишине ночной
Шумел, не умеряя бега,
И над заснувшею землей
Струилась благостная нега…
Невольно в памяти моей
Встают иные впечатленья,
Как отголосок давних дней;
Им нет конца, им нет забвенья.
Нам дорога была пора,
Когда устраивались елки;
Резвилась бойко детвора;
Остроты были метки, колки.
В сочельник дед-мороз тайком
Дарил нам щедро книжки, сласти.
Любили мы сойтись кружком
На тихий голос тети Насти[4].
Под вечер мы в свободный час

[4] Тетушка Л.П. Семенова — Анастасия Хрисанфовна Жадёнова (1845 — после 1914).

Читали вслух напропалую,
Дюма, Мордовцев, Салиас[5]
Нам открывали жизнь былую.
Атос, Портос и Д'Артаньян,
Все козни гордо презирая,
Рубились до смертельных ран
За счастие земного рая.
Российский дерзкий дворянин,
Единомышленник Вольтера,
Шел без боязни в равелин;
Он знал, — придет иная эра.
Народ навек сковать нельзя.
Как ни был гнет жесток, неистов,
А благородная стезя
Влекла на подвиг декабристов!
У нас захватывало дух,
В нас чувства лучшие горели.
Огонь священный не потух;
Он согревает нас доселе…
Тогда затеян был журнал.
Он отвечал на всё, как эхо.
В нем каждый, торопясь давал
Стихи, рисунки, блестки смеха…
Привет тебе, родимый дом!
Как прежде, ты уютен, скромен.
Ты нажит был с большим трудом,
Но до сих пор ценней хоромин…
Наш круг семейный поредел,
И мне уйти придется скоро.
Ну, что ж! Таков земной удел.
Другим нужна твоя опора.
Пусть всем, кому ты дашь приют,
Заветы наши будут милы,
И пусть для родины цветут
Грядущих поколений силы.

16.IV. <19>47

[5] Автор многочисленных исторических романов Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (1840–1908).

Посвящение
К поэме «Маякиада»[6]

С. Гею[7].

…И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.
Пушкин, «Евгений Онегин»,
гл. VIII, строфа L

Когда-то я и Владя[8],
Тепло на младших глядя,
Затеяли журнал.
Ты был тогда так мал!..
Но все ж от нетерпенья
Писал стихотворенья
И вскоре, смел и рьян,
Принялся за роман.
Ты был приготовишка,
Затейливый мальчишка
И очень быстро рос.
В наплыве дум и грез
Творил, как маг, новеллы,
Октавы и газеллы;
Писал не кое-как
И нес в родной «Маяк».
Над нашим «Пароходом»[9]
Неслись года за годом.
Немало было бед
У нас за сорок лет.
Глядишь, — пройдет ненастье,
И улыбнется счастье,
И «Пароход» плывет
По лону грозных вод.
В положенные сроки
Он был недавно в доке.
Искусная рука
Исправила бока.

[6] Название «поэмы» явно указывает на ее «эпический размах» (ср. «Илиада»).
[7] С. Гей — один из псевдонимов Сергея Петровича Семенова (1902–1985), младшего брата Л.П. Семенова.
[8] Брат Л.П. Семенова, Всеволод Петрович Семенов (1891–1980).
[9] Семейное название дома семьи Семеновых на Осетинской улице.

В нем нет теперь пробоин.
Он чист, красив, спокоен;
Плывет не на авось!
Пускай три брата врозь, —
Но мысленно мы вместе
И шлем друг другу вести,
Мы смотрим не назад, —
Нам светит Ленинград!
Мы стары — я и Владя,
Ты сам — солидный дядя —
Известный инженер,
Прозаик и трувер.
С тобою вместе Налик[10].
Вы смотрите в кристаллик,
О коем впопыхах
Поэт сказал в стихах[11].
Все видно Вам оттуда.
Дела идут не худо.
«Маяк» наш заблистал,
Как феникс, выше скал!
Прошел провинциальный
Период изначальный.
Когда-то от руки
Писали старики.
Теперь везде новинки:
Печатают машинки
Все, что мы шлем в «Маяк»!
Ты не попал впросак.
Рулем ты правишь смело —
Вот это, братец, дело!
У Налика — усы,
У Налика — часы!
А я пишу поэму
На близкую нам тему;
Забушевал поток
Неисчислимых строк.
Не вспыхнул ли Везувий?
Не ринулся ль делювий[12]?
В мой маленький приют
Стихи текут, текут.

[10] Домашнее прозвище сына С.П. Семенова, Леонида Сергеевича.

[11] Отсылка к строкам из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, взятых эпиграфом к стихотворению.

[12] Дождевые потоки, несущие смытые частицы горных пород.

Капризная стихия.
Увы, стихи — плохие,
Но каплю чувства все ж
Ты между строк найдешь.
От скуки повседневной
Ушел я в мир душевный.
Печаль и шутка здесь,
Наш круг семейный весь.
Тебе «Маякиада» —
Посильная награда.
Увы! Тускнеет жар…
Прими мой скромный дар.

16. VII. <19>47

Чудеса света

Человечество в древности создало много замечательных сооружений, поражавших своей грандиозностью и великолепием. Из всех этих памятников народная молва издавна выделила группу особенно выдающихся образцов монументального искусства. Вот эти знаменитые «семь чудес света»:

1) Египетские пирамиды, 2) висячие сады Семирамиды в Вавилоне, 3) храм Дианы в Эфессе, 4) статуя Юпитера, работы Фидия, 5) мавзолей-гробница царя Мавзола, воздвигнутая его женою Артемизией в Галикарнассе, 6) колосс Родосский, 7) маяк на островке Фарос близ Александрии. Об этих памятниках существует специальная литература. Затрагивая вопрос о них, мы хотим вкратце остановиться на некоторых подробностях, которым не уделяли внимание прежние исследователи.

Для нас важно то, что два из 7-ми «чудес света» были маяками. Эти памятники — высшие достижения маячного искусства. Упомянем кратко о них.

Колосс Родосский был вылит из бронзы Харесом, учеником Лизиппа; его сооружение длилось 12 лет и было закончено в 280 г. до н.э. Он имел в вышину 32 метра[13]. Еще более грандиозен был александрийский маяк, сложенный из мрамора. Его построил Сострат (около 283 г. н.э.). Памятник имел в высоту 300 локтей (170 м.). В разрушенном виде он существовал еще в начале XIV в. Из всех «семи чудес света» до нашего времени сохранились лишь египетские пирамиды.

[13] Не исключено, что сведения взяты из статьи «Колосс» из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (т. 15).

В последующие эпохи были попытки присоединить к 7-ми «чудесам» и восьмое. «Восьмым» чудом в конце XVIII в. считали памятник, поставленный Петру I-му. Поэт Рубан писал:

Колосс Родосский, днесь смири свой гордый вид,
И нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами;
Вы смертных бренными содеяны руками[14].

В повседневной жизни «восьмым» чудом считалось всё незаурядное. Писемский писал в романе «Мещане»: «Схвативши верхушки кой-каких знаний, мы считаем унижением для собственного достоинства делать какие-нибудь обыкновенные вещи, которые делают люди заурядные, и хотим создать восьмое чудо света»[15].

В комедии Н.И. Хмельницкого «Говорун» встречаем фразу: «Когда б я был актер, я б был осьмое чудо!»[16]

Рекорд смелости побила одна из фирм, которая так рекламировала косметическое средство в объявлениях журнала «Нива»:

Всякий русский верно знает,
Что на свете семь чудес,
А «Юм-юм», восьмое чудо,
Возбуждает интерес.

Не претендуя на то, чтобы оспаривать восьмое место, которое очень прочно занял «Юм-юм»[17], мы объявляем наш «Маяк» —

---

[14] Из стихотворения Василия Григорьевича Рубана (1742–1795) «Надпись к камню назначенному для подножия статуи императора Петра Великого». С небольшими разночтениями:

Колосс Родосский! свой смири прегордый вид,
И Нильских здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами:
Вы смертных бренными содеяны руками!

[15] В романе А.Ф. Писемского «Мещане» (1877, отд. изд. 1877 г.) это говорит Бегушев: «Прежде всего — наше бестолковое образование: мы все знаем и ничего не знаем; потом непривычка к правильному, постоянному труду, отсутствие собственной изобретательности, вследствие того — всюду и во всем слепое подражание; а главное — сытый желудок и громаднейшее самолюбие: схвативши верхушки кой-каких знаний, мы считаем унижением для собственного достоинства делать какие-нибудь обыкновенные вещи, которые делают люди заурядные, а хотим создать восьмое чудо, но в результате явим, — как я, например, — пятидесятилетнюю жизнь тунеядца» (часть вторая, глава вторая).

[16] В пьесе «Говорун» (1817) Николая Ивановича Хмельницкого (1789-1845) это реплика графа Звонова.

[17] Возможно, название упоминаемого средства было связано с именем главной героини популярной комической оперы А. Салливана и У. Гилберта «Микадо, или город Титипу» (1885), которую зовут Юм-Юм. В такой транскрипции Юм-Юм (а не Ям-Ям,

«девятым» чудом света. Девятое место в ряду «чудес света» еще никем не оспаривалось. Объявляя об этом в печати и по радио, отмечаем появление нового «чуда» в наших семейных анналах. В числе маяков мирового значения наш должен занять третье место, сейчас же после Колосса Родосского и Фаросского. 3 и 9 — хорошие цифры, с которыми связано много различных поэтических и прочих примеров («Есть три чуда, три юда у нас», «девять сестер — муз» и т.д.).

Сколько имеет локтей в вышину наш «Маяк», точно еще не установлено, но размеры его, несомненно, должны быть грандиозными, т.к. свет, излучаемый им с севера от Ленинграда доходит до Северного Кавказа и помогает «Пароходу» и прочим судам семейной флотилии, блуждающим в море житейском, не сбиваться с пути, не попадать на подводные камни…

Когда-то было семь чудес на свете.
«Юм-юм» восьмым добавился кой-как.
Что спорить нам об этаком предмете?
Девятым чудом будет наш «Маяк».
Издревле вас, о музы, девять было.
Чудес на свете девять, как и муз.
Все это, право, вышло очень мило.
Да здравствует навеки наш союз!
Двадцатый век лишил вас Геликона,
О, сестры-музы, где ж найти приют?
Пускай «Маяк» тепло вас примет в лоно,
И ваши дни спокойно потекут.
Своих даров, о музы, не жалейте.
Запойте гимн, легко пуститесь в пляс;
Плените нас игрой на звонкой флейте,
На «Маяке» забудьте про Парнас.

как иногда встречается) она фигурирует в записях смотревшего парижскую постановку К.С. Станиславский, см.: Станиславский К.С. Заметки к постановке «Микадо». 1886 год // Станиславский К.С. Собраний сочинений: В 9 т. Т. 5. Кн. 2: Дневники. Записные книжки. Заметки / Сост., вст. ст., подгот. текста, комм. И.Н. Соловьевой. М., 1993. С. 88–89. И ныне существуют бренды Yum Yum, в том числе косметика Mac Candy Yum Yum.

Leonid Semenov

I. Poems of 1912–1919. II. Poems and humoresque from the family journal "Mayak" of 1947–1948

Editing and notes by Elena Takho-Godi

Abstract: The first part of the publication presents a sample of lyrical poems of a well-known Lermontov scholar and expert on Caucasian history L.P. Semenov (1886–1959), created in the early twentieth century, with the Silver age on the wane, in 1912–1919 and stored in the Semenov — Takho-Godi personal archive. The second part of the publication reproduces two poems and humoresque from the family journal 'Mayak', as well as two poems of 1947–1948 related to the appearance of this home edition. All the texts of 1947–1948 were written by L.P. Semenov under the pseudonym of L. Glybov.

Keywords: L. P. Semenov, archival collection, poems, family journal.

Information about the author: Elena Takho-Godi, Dr. of Philol. Sci., Professor, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; leading research associate, Gorky Institute of World Literature (IMLI), Russian Academy of Sciences; Head of the Research Department, Library of history of Russian philosophy and culture "A.F. Losev House", Moscow, Russia.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Citation: Semenov Leonid. I. Poems of 1912–1919. II. Poems and humoresque from the family journal "Mayak" of 1947–1948, ed. and notes by Elena Takho-Godi. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 228–243.